



ПОЭТЫ ХХІ ВЕКА



ВАЛЕРИЙ КУЧЕРОВ

**Я КВАРТИРУ
СНИМАЛ
У ВДОВЫ**



**Поэтические сочинения для тех,
кто ещё не научился улыбаться**

Поэты XXI века

Валерий Кучеров

Я квартиру снимал у вдовы

«ПЦ РП»

2019

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)64-5

Кучеров В.

Я квартиру снимал у вдовы / В. Кучеров — «ПЦ РП»,
2019 — (Поэты XXI века)

ISBN 978-5-6042491-7-8

Валерий Кучеров, как указано в предисловии к этому сборнику, – не профессиональный поэт. Однако, читая его стихи, понимаешь: если человеку дан свыше поэтический талант, то совсем не важно, профессионал он или не профессионал. Тонкие изящные рифмы, прекрасное чувство юмора, яркая образность, умение автора поиронизировать над собой – непременно увлекут читателя и вызовут улыбку. Как и обещал автор – «для тех, кто еще не научился улыбаться»... P.S. Большинство иллюстраций к стихам взяты из Интернета, где находятся в свободном доступе

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)64-5

ISBN 978-5-6042491-7-8

© Кучеров В., 2019
© ПЦ РП, 2019

Содержание

Из цикла «Салат Оливье»	8
Ну какая тут, к чёрту, поэзия...	8
Умойся, друг!	10
Вселенское	12
В Новом году не будем в задуге!	14
Casta Diva	16
Просыпайся, мой хороший!	18
Ностальгия по грузинским винам	20
В обнимку с Бахусом	21
Я квартиру снимал у вдовы...	24
Что у вас за пазухой, ребята?!	25
Портрет отца	27
Памяти Елены Образцовой	29
Незнакомка	30
Попутчица	32
На «Чёрный квадрат» супремата...	34
Десант	36
О запахе хлеба	38
Эльдорадо	40
Мэрилин, «Мерло» и др	42
Мещанская застольная	43
Современное	45
Пляж	46
Пульмонолог	47
Богородица	49
О близости к народу	50
Памяти Маргарет Тэтчер	51
О подвигах	53
Приникну я к земле родной	55
Жара... Но долг отдай!	56
А в субботу мы на дачу	58
О диагностике европейского мяса	60
Когда стреляю смелым взглядом...	61
Весна идёт	63
Зачем так некстати...	64
Глоточек ушедшего лета	65
Не гуляй, Душа, далёко...	67
Ответишь за козла	69
О плодотворных контактах	70
Как шлёпнул о щёку мне лещ...	71
Ночь	73
DieNacht. Hermann Hesse	74
Предостережение	75
О вампирах	76
Душа моя поёт лишь в душе...	77
Прошло два года после нашей свадьбы	79

Из цикла «Поэт в деревне»	80
Пастораль	80
На поля, поэты! На поля!	83
Будет, будет урожай!	85
Вчера старуха умерла...	87
Рождество	88
О весне и птичьих языках	91
Восьмую неделю, как дождичка нет...	94
Самогон	97
Тунеядец	98
Жили-были старик со старухой...	100
Конец ознакомительного фрагмента.	101



ПОЭТЫ XXI ВЕКА



Валерий Кучеров

**Я квартиру снимал у вдовы.
Поэтические сочинения для тех,
кто ещё не научился улыбаться**



Валерий Кучеров

Поэтические сочинения для тех, кто ещё не научился улыбаться Валерий Кучеров – не профессиональный сочинитель. Автор нескольких книжек самиздата.

Работал в проектных и научно-исследовательских учреждениях, увлекаясь проблемами создания диалоговых информационных систем и компьютерным синтезом речи, кандидат технических наук.

«Баловством сочинительства в стол» занимается со студенческих лет. Его главный лирический герой весьма своеобразно воспринимает окружающий живой и неживой мир. Заметим, что и автор как сочинитель, и его герои – люди простоватые и добрые, даже если сильно злятся.

В предлагаемом сборнике автор, с присущим ему чувством самоиронии, делится с читателем впечатлениями от случившихся с ним жизненных историй.

Желание пофилософствовать легко заводит автора в дебри доморощенных рассуждений и так же легко выводит его оттуда.

В сборник, из обилия написанного, вошли только некоторые сочинения, отличающиеся доступностью восприятия читателем мыслей автора.

Почитайте... Гарантируем, улыбнётесь не одну пару раз!

Из цикла «Салат Оливье»

Ну какая тут, к чёрту, поэзия...

Что-то рано сегодня весна!
Только март, а уж линька закончена.
Вот и липа глядит озабоченно,
Да и клён озабочен весьма.

Им поддаться б беспечности грёз!
Ну хоть чуть распуститься!
Так хочется...
Ну а что, если холод воротится,
Ну а что, если завтра – мороз?!

У маркетингов бабки сидят.
Под пальтишками – старые платица...
Подают нынче лучше на паперти,
Здесь прохожие мимо глядят...

А в оврагах питательный грунт
Замешался с остатком магнезии...
Ну какая тут, к чёрту, поэзия,
Если грязи потоки бегут!

Но!
Но орут на душе петухи!
То как горны, а то как соловушки...
Щурит глазки котяра на солнышке,
И латают кнуты пастухи.

Все прощаю: и нищенский вид,
Грязь и слякоть —
прощаю природе я
За надежду на то плодородие,
Что нам осень весною сулит.

Все прощаю за губ твоих плен,
За искрящихся глаз твоих радость,
Теплоту и нездешнюю яркость
Вновь горящих на солнце полен,

И за запахи, как от ухи,
И за шорохи семечка в почве,
И за то, что в душе днём и ночью
Соловьями орут петухи!

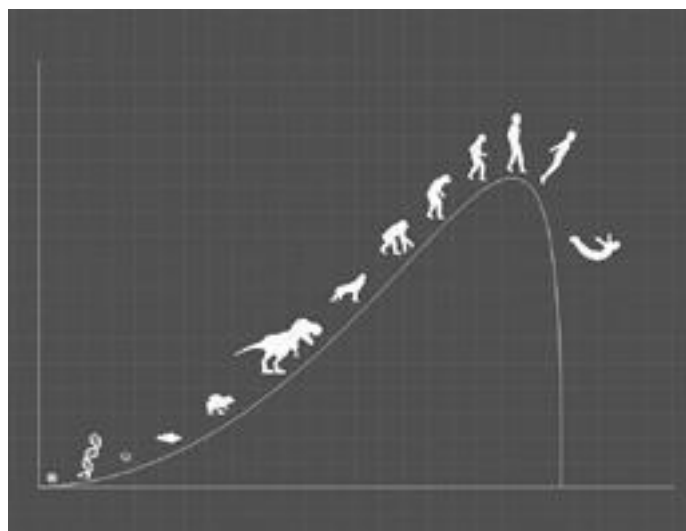
Умойся, друг!

Прохожий, погоди!
Вот здесь, под древом диким,
Ручьём из родника,
сверкая, словно мёд,
Не дале как вчера,
являя Бога лики,
Поэзия текла.
А нынче не течёт...

И путникам дневным,
ночным или вечерним
Нельзя напиться здесь,
услышать птичек гвалт...
Под гниlostной листвою
теперь гнездятся черви,
А средь унылых древ —
лишь тишины вокал.

Но полный чайник я
подвешу на сучочек...
Пусть путнику в ночи,
будь он кацап иль жид,
На выю и чело,
по сердцу и средь почек
Бесхитростный мой стих
из носика бежит.

Прохожий, погоди!
В блужданиях к водопою,
Иронией тебя
из чайника
умою!



Вселенское

Кромсая небо струями форсажа,
То грохая, то в полной тишине,
Летун спокойно, без ажиотажа
Рисует график жизни на Земле.

Вот вбок качнулся с Запада на Север,
Вот вверх поднялся, словно аппетит,
Но вдруг дугою изогнулся леер,
И вниз кривая штопором летит!

Жить на Земле... Ужели не везенье?
Ужель не счастье – видеть капли рос?!
Пусть жизнь людская только дуновение,
Но жизнь Земли – совсем другой вопрос.

Ведь рубим сук... Порой готов заплакать...
Тревожно так, как будто взял кредит...
Вот я смотрю на градусник и слякоть
И верю: Солнце завтра догорит!

Торнадо, смерчи – словно камикадзе
Дома сметают, стены развалюг...
Нет, ни Венеры не спасут, ни Марсы...
Каюк нам всем, и жизни всей – каюк!

Возьмите нефть. Ведь сами дырки точим!
А сланцы, блин! А тот же антрацит!
А вес Земли?! Толкни её чуточек,
И все! Она ж с орбиты улетит!

Во тьму! Во мрак! В крутой мороз ползучий!
В густой набор планетных ассорти!
Нет, просто так, надеясь лишь на случай,
Земле другого Солнца не найти.

Найди попробуй в метеорных тучах
Хотя б намёк на рубленую гать...
А может, к Солнцу, нынешнего круче,
Заранее тропинку протоптать?!

Определить тот пункт, где быть хотите,
Дорогу, время хорошо бы знать,
К какой звезде, какой там быть орбите —
Заранее, быть может, просчитать!

И где ты, РАН? Учёные – что дети!
Все плачут только, что мала казна...
Им что, не видно, что верёвки эти
Лет двадцать вьёт поганец-Сатана!
За ним игра! Планета будет бита
Подобно волейбольному мячу!

.....
Знать надо путь...
Вот я, сойдя с орбиты,
Всегда в тепло, к любовнице лечу...



В Новом году не будем в заду!

Сижу, дремлю, склонив лицо на руку.
Устал от нервов, споров, передряг...
И снится мне, что выловил я щуку.
Совсем, как тот... То бишь, Иван-дурак.

Я говорю: «По щучьему велению —
Уж так мне надоела эта падь —
Прошу тебя, создай венец творенья,
Чтоб за Россию гордость испытать.

Вожди поют... И что нам эти трели?!
Ведь дел-то нет! А есть, так — ерунда...
Мне эти птицы с клювом — надоели,
Хочу на гёрбе — символы труда!»

Вот это — щука! К радости народа
Избытком тока вспухли провода,
Прут из земли картошки корнеплоды,
И каждый плод — размером с полведра!

Живёт пол-литра в каждом русском доме,
Витает дух селёдки и васаи...
А я лежу на печке в томной дрёме
И говорю: «Маманя, поднеси...»

Бомжи идут... Крупны все, как атланты!
Несут мешки... В них золота руда!
На всех знамёнах больше не мутанты,
А ложка с вилкой — символы труда.

В ручьях отводных нефти по колену.
Текут в Китай, в Европу... хоть куда.
Завод гудит: пора, пора на смену,
А то исчезнут символы труда!

Я просыпаюсь, чуя зуд на коже...
Пора, пора заправиться чайком!
На плитке чайник, что меня тревожил,
Уже заткнулся со своим гудком.

Мелькнула мысль, как флаттер снять при крене:
Эпюры в точках, уравнений нить...

.....
Ой, некогда, пора идти на смену:
Мне на Казанском — переходы мыть...



Casta Diva

*...Пьянея звуком голоса,
похожего на твой.*

А. Ахматова, «Белой ночью».

...Скоро девять... Я раньше с работы удрал.
Эти выборы – нервы скосили!
Да... Напрасно на площадь тянул меня трал,
В беспокойствах за судьбы России.

Я собаку поглажу за радостный визг,
Я «Хеннеси» пригублю с устатку,
И закрутит лениво виниловый диск
«Вега» – лучшая в мире приставка.

Успокоились мысли, не ноют бока...
Распростёртый в диване и лени,
Потихоньку пьянею я от коньяка
И от трепетных звуков Беллини.

Casta Diva сверкает жемчужным колье...
Я готов бы отдать пол-лимона,
Чтобы Нормы признание летело ко мне,
А не к консулу, блин, Поллиону!

Эта Беверли! Боже! Как будто со мной
Бестелесная дива из сказки!
Ну зачем мне Болотная?! Просто земной
Мне любви не хватает и ласки!

Вдруг хлопок из прихожей: «Ау! Это – ты?
Я сегодня пораньше с работы...
А то все разбиваются наши мечты
О готовку, усталость, заботы...

Разложи-ка диван! Не сиди на краю!
Альма, брысь! Ну, чего разыгралась?!
Я и в норме и тоже сопрано пою...
Выключай, выключай свою Каллас!»

Не готовый к дуэту любимой и Силс,
Я сначала поник, словно парус...
Только голос любимой, надежный как пирс,
Звал сильнее, чем Силс или Каллас!

Casta Diva затихла. Лишь скрип в тишине
Да сопрано любовного стога...

.....
Все же славно, что Норма призналась не мне:
А то где бы я взял пол-лимона?..



Просыпайся, мой хороший!

*Меркнут знаки Зодиака
Над просторами полей...*

Н. Заболоцкий.

Грезит утро цветом мака,
И сквозь щель грядущих лет
Снова знаки Зодиака
Появляются на свет.

Зашуршав внутри сарая,
Подал голос чей-то мул,
Людоед, вовсю зевая,
Неприличность отрыгнул.

В сгустках бежевого лака
Растворяется луна,
Чу, залаяла собака,
Обозначилась жена.

Сморщил Леший ряски ткани:
Жжёт! Напился из горла...
Почесав живот о камень,
Пробудилась Камбала.

У соседа со второго
Молоточек тук-тук-тук...
Просыпается корова,
Просыпается паук.

Воробей, почистив клювик,
Начинает свой полёт,
С просьбой срочных поцелуев
Громко радио поёт.

Кот пришёл с ночной победой,
Подтверждая раной факт,
Чу, проснулись моджахеды
И готовят нам теракт.

Наш щенок проснулся – Бобик...
Да, кровать-то мала...
Как прекрасен светлый лобик
И реснички в два крыла!

У тебя – моя харизма,
Мы с тобой, как два рубля...
Светлых дней капитализма
Разгорается заря.

«Иго-го, – пропела лошадь, —
Хватит спать, вставай, малыш!»
Просыпайся, мой хороший,
Интересное проспичь!



Ностальгия по грузинским винам

Люблю я «Хванчкару», «Су-Псех», «Киндзмараули»,
«Гурджаани», «Алькадор», «Кахети», «Каберне»...
Но что же вы, друзья, так качеством прогнулись,
Что виноградный хмель, увы, не светит мне?!

Эх, были времена, когда в гостях у Важи,
У дома во дворе, среди берёз и туй,
С кувшинных берегов в стекло бокалов важных
Струился винопад бодрящих душу струй.

Торжественно, при нас хозяин трогал кверви,
Он тряпочкой сухой по горлу проводил,
Он открывал вино в святое братство двери,
И нежный дух хмельной в нас чувства бередил.

Рождалась песня вдруг, свежей, чем утром росы.
В ней клёкот гордых птиц, в нем горных рек поток...

.....
.....

Вернутся ль времена, чтоб в хор многоголосый
Ручьём вписался мой настырный тенорок?!



В обнимку с Бахусом

Дожливый день, деревня, лето...
Я пыжусь, но в мозгах – ни зги!
«О, Муза, Муза... Где ты, где ты...
Приди, родная, помоги!

Сними печаль такой непрухи!
Яви мне мысли хоть о чем!» —
И Муза, в виде крупной мухи,
Ко мне садится на плечо.

«Я жду... Приди...» Одно и то же!
Скулишь, как будто день не ел...
Чего опять меня тревожишь?!
О боже, как ты надоел...

Небось попросишь урожая
Сюжетов, мыслей, красоты?!
Пойми, не я ведь стих рожаю,
Творения рождаешь – ТЫ!

Я ж не Создатель, чтоб в пробирке
Мысль, как Гомункула, явить,
Могу лишь только акушеркой
Тебе помочь её родить!

Не я ли бабкой-повитухой
Лечу стремглав к тебе домой,
Шепчу, шепчу тебе на ухо...
Но ты – как будто бы глухой!

Но ты, мой друг, подобно Ною,
Глаза закрывши, как в бреду,
Что без меня ли, что со мною
Несёшь такую ерунду!

И из какого же колодца
Напиться хочешь без труда?
Ведь золото ручьём не льётся,
Коль в домне медная руда!

Извилины мало, нету слуха...
Я не могу тебе помочь!» —
И в форточку все той же мухой
Из дома вылетела прочь.

Ну вот, раскрыла весь мой статус...
Но вдруг, жужжаньем тишь дробя,
Влетает шмель... Так это ж – Бахус!
Привет, дружок! Я ждал тебя!

Вот друг, совсем с другого клуба!
Ему претит словесный шик...
Что Муза? – Ветреная баба!
Вот Бахус – стоящий мужик!

Мохнат: забыл побриться снова...
На гениталиях – броня!
Ни одного плохого слова
Не скажет Бахус про меня.

– Пстой, дружок, не надо гонки!
Я знаю, что пора налить...
Тебе ведь тоже самогонки?
Дешевле – просто не купить...

Сюда бы Музу? Пусть летает.
Её я звать не стану вновь:
В таком аспекте вдохновляет
И однополая любовь!

Ну, за поэзию! По полной!
Где там тетрадь? Где карандаш?
Несутся строки, словно волны,
Здесь и без Музы есть форсаж!

Родился стих! Горит напалмом!
Хоть пусть немножечко кулём...

.....
В обнимку с Бахусом, на пару
Теперь поэзию куём!



Я квартиру снимал у вдовы...

«Ну, хватит! Мне всё это так надоело!
К чертям твой «любовный простор»!
С тобой я как будто пять раз овдовела!
Ключи и квартплату – на стол!»

Такая квартира... Такая хозяйка...
Бесплатные щи и крюшон...
И «паркер» дарёный, и чистая майка...
Я бросил ключи и ушёл...

.....

В мозгах суеилось орущее вето,
Вёл арию мартовский кот...
А в воздухе пахло несчастным поэтом,
Лишённым любви и забот.



Что у вас за пазухой, ребята?!

Вот валун. Он лежит, неподвижен и сер,
На развилке безвестных дорог.
Словно толстый гаишник, накушавшись скверн,
Он в истоме бессилья прилѐг.

Если путника видит валун на пути,
Обещает он буквами с «ять»
По дороге налево – невесту найти,
А направо – башку потерять.

Пилигримом святым мимо речек и скал
Шѐл я тропами призрачных лун,
Как Колумб, Магеллан, новых встреч я искал
И наткнулся на этот валун.

Справа вижу просторы, деревню и дол,
Вижу слева надгорную синь...
«Здоровеньки булы!» – машет флагом хохол,
«Гамарджоба!» – кричит мне грузин.

Только крикам приветным боюсь доверять:
(Как доверчивость нынче горька!)
Там обреза лесного торчит рукоять,
Здесь топорщатся ножны клинка...

Заночую-ка здесь... Жалко стоптанных ног...
В ухо – плеер, включаю Варум...
Не, ребята, сегодня я к вам не ходок!
И кладу автомат на валун.



Портрет отца

*Папы давно нет... В комнате, напротив дивана,
висит его большая фотография.*

Здесь за сорок ему, здесь он только с войны,
Чуть блестит светлой проседи дым.
Три медали в строю на груди сведены
И два ордена Красной Звезды.

Я встречаюсь с ним взглядом и днём и во сне,
Я тот взгляд все пытаюсь понять.
Взгляд спокойный и строгий, но кажется мне:
Что-то хочет мне папа сказать.

Я теперь уже старше, чем папа тогда...
Я учу не хамить и не врать,
В честных драках за правду я спуску не дам
И могу за себя постоять.

Но когда, словно голую ветвь на ветру,
Лихорадит от мерзостной лжи,
Я с последней надеждой на фото смотрю:
«Что мне делать, отец, подскажи?»

И я вижу: из фото является плоть,
И я слышу знакомую речь:
«Выше голову, сын. Нас не выдал Господь,
Сможет он и тебя уберечь».



Памяти Елены Образцовой

Je crains de lui parler la nuit...

Je crains... Свеча слезою тает...
Спит графиня, сон над ней кружит.
Вещий голос отзвуком порхает:
– О, как тесен деревянный скит!

Как противно мыслей затуханье...
Тело есть и нет: уже не факт...
Ах, не надо плача и рыданий:
Час пришёл, закончен третий акт.

Смертны люди... Ни к чему стенанья.
Слушай и другому завещай:
Если есть ТАМ что-то —
До свиданья!
Если нет... Ну что ж, тогда —
Прощай...



Незнакомка

*И каждый вечер, в час
назначенный
(Иль это только
снится мне?)
Девичий стан,
шелками схваченный,
В туманном движется окне.*

А. Блок, «Незнакомка».

Где-то окрики пьяные слышатся,
Вопреки моему терпению...
Попишу, напишу... Но не пишется —
Все в окошко с надеждой гляжу.

Что-то движется? Да. Но по-прежнему
Ни намёка на нужную тень:
То зелёная ветка, то снежная,
То вдруг — ливень, а то вдруг — метель.

Третий год неустанно, без лени я
Незнакомку к окошку зову...
Но вчера слышу вдруг с изумлением:
— Эй, поэт! Обернитесь! Ау!

Незнакомка! В шелках и при талии,
Вся в туманах и запахах трав...
Ну, как будто Лорен... Из Италии...
Снизойшла, Матроне предав.

Ну, сюрприз! Только весь я в прострации:
Как вошла?! Без ключа, без звонка,
Без шуршанья портьер, без овации...
Элегантно, как бывший ЗК.

От окна развернувшись, я скомкаю
Лист тетрадный... Да, знаю теперь:
Ждать напрасно окно с Незнакомкою —
Незнакомка войдёт через дверь!

Тень от шторы — дорожкой неловкою...
Напрягаю я дальше свой взгляд:
Два амбала (один — с монтировкой)
За спиной у мамзели стоят!

Три картины, сберкнижку и марочки,
Деньги, паспорт, ноутбук дорогой...
Лишь осталась бутылка кизлярочки,
Что за книжками прятал порой.

Ложь под сердце мне – пьяною ломкою...
Я полицию ждал до зари...
Друг-поэт! Не более Незнакомкою!
Даже в мыслях её не зови!



Попутчица

– Проходите, проходите...
Сумку? Вот сюда, в диван!
В тесноте, да не в обиде...
Осторожней! Там стоп-кран!

– Ваш попутчик... Из поэтов...
Ну, а Вас, простите, как?
Лайза? Правда? Ну, как эта...
Да, Минелли! Вот чудак...

– Отпуск? Да... Я – тоже дачник...
Потный, словно под дождём...
Вот откроют ресторанчик,
И поужинать пойдём.

– Фармацевт? И бизнес громкий?
Филиал? Не может быть...
О, с такою Незнакомкой
Можно года два прожить...

Лен струился ей на плечи
Водопадом ацетил...
Нет, не может быть и речи,
Чтоб такую упустил!

.....

После тостов ресторанных
От душевной от жары
Мы купались в нирванах
Бесконечной сансары.

Я стихи читал и пел ей
Под шатром Пегаса крыл...
А как только захрапела,
Тихо сумочку открыл.

Ого-го... Ей тридцать восемь!
Пенза... Я совсем обмяк...
И не Лайза это вовсе,
А Варвара Березняк!

Визажистка... Пицца Гойи!
То Лаура, то Катри...
То-то личико такое...

Я-то думал – тридцать три...

Ну, с доходом – все понятно...
Но вот Пенза... Брать – не брать?
Жить два года и приятно...
Но я начал вспоминать,

Как в дорожном ресторане
Рыбу резала ножом...
Первый раз о Караяне...
Нет, чего я в ней нашёл?!

Губы, пышные, как тесто,
Плечи, словно буква Пэ...

.....
– Проводник! А нет ли места
Где-нибудь в другом купе?!



На «Чёрный квадрат» супремата...

Чтобы с классикой видеться лично,
Чтоб побыть с ней хоть час тет-а-тет,
Регулярно в музеях столичных
Посещаю картинный проспект...

В пиджачке, элегантней рапиры,
Что недавно у Славы пошил,
Почему-то в лицо Казимира
Я вглядеться сегодня решил.

Вот в насмешливой позе Сатира,
Чуть расслабив изящную статью,
Проникаю я в суть Казимира
И брезгливо пытаюсь понять:

Кто мазюкал? Маляр из-под Тулы,
Позабывший про тени и свет?
Или это – рисунок с натуры?
Иль видений таинственных след?

Понедельник Шнура? С перепоею...
Лужа туши? Иль старая ржа?
Негр с Уганды, сидевший спиной?
Или, может, Чубайса душа?

Или сочные мысли убийцы?
Беспредметная Мира тоска?
Иль подкрылок от ворона-птицы?
Или чёрная в классе доска?

А вообще-то картинка – без правил:
Форма рамки здесь словно пила...
Коль багетчик иную б доставил,
Не квадратом, а кругом была!

Стиль придумал... И сам же без правил!
Беспредметность какая-то... Тьфу!
Хоть бы буквы какие расставил,
Чтобы фарами резали тьму...

По какой непонятной причине
Оказался здесь тел дефицит?
Может, некогда было мужчине...
Может, был воспалённый отит...

Пообщарив себя, словно Чарли,
Словно некий рачительный Ной,
Я мелок обнаружил случайный,
Что оставил в кармашке портной.

И как только смотритель Людмила
На минутку покинула зал,
На чернящей доске Казимира
Я три буквы мелком дописал...
ЛОХ



Десант

В фюзеляже автобуса нет больше мест:
Не войти и не выйти без прыти...
Парашютный проезд... Парашютный проезд —
Остановка, где нужно мне выйти.

Животами соседей сдавило мне пресс.
Я кондуктора голосу внемлю.
Со ступенек автобуса, словно с небес,
Спрыгну вниз я на грешную землю.

Кто бы знал, но мой папа полвека назад,
Сжатый страхами пойманной мышки,
Здесь шагал боязливо раз двадцать подряд
С тренировочной мачтовой вышки.

Чтоб в желудочной тьме без единой свечи,
Фюзеляж самолёта покинув,
В двадцать первый шагнуть, и растаять в ночи,
И проникнуть десантом под Киев.

А сегодня от вышки здесь нет и следа...
Запеклась лишь на уровне генов
Тромбом памяти лётная эта среда
У оставшихся аборигенов.

Только я все равно эту вышку найду!
А потом, превратившись в парнишку,
Задохнусь, но сто сорок ступенек пройду
И откину площадную крышку.

Я как те... Буду с телом своим не в ладу,
«Отче наш» прошепчу без запинки,
И шагну... И как те
без вестей пропаду,
Растворившись в подкиевской дымке.

Я последний из них с этой вышки шагал —
Самый старший в десантовом братстве...
Я, скорее всего, как наивный Шагал,
Поплыву в разряженном пространстве...

Над распятой страной понесу я свой крест...
Мне не нужно в обратном автобусе мест.

.....

Парашютный проезд...
Часто видят окрест,
Когда сумрак снежинкою тает:
Взвод десантников,
руки раскинув, как крест,
Мимо тусклой луны пролетает...



О запахе хлеба

... Где тот хлеб? Где те хлебные лавки?
Уж не знает сегодня пострел,
Как волнительно, смачно и мягко
Запах хлеба над лавкой висел.

Словно истина – сочно и ярко,
Чуть волнуя предчувствием грудь,
Раскрывалась российским подарком
Ноздреватая хлебная суть.

Знал, конечно, что надо отрезать...
Но, эстетам стола вопреки,
Чтоб почувствовать Родины свежесть,
Я буханку ломал от руки.

Что там икры и всякие сүши!
Надломив запеканье хрустел,
Я душистую хлебную душу
Выпускал из поджаристых стен.

И душа от земли и до неба,
Будь то холод, метель иль жара,
Вместе с булкой печёного хлеба
Девять суток над лавкой жила.

А теперь – конкурентные танцы.
Все мельчает гурманный уют...
Да чего там! Лихие китайцы
Нам пластмассовый рис продают!

Я сегодня старательно нюхал
В супермаркете взятый батон,
Разломил его, словно краюху,
Весь в надежде почуять sharmant.

Тщетно! Было и так это ясно...
Крошки сыпались вниз, словно в трюм,
И лишь запах машинного масла
Чуть тревожил сухую ноздрю...

.....

Где вы, прежние хлебные лавки!
Уж не знает сегодня пострел,
Как волнительно, смачно и мягко

Запах хлеба над лавкой висел...



Эльдорадо

Вольный перевод Э. По

Словно трепетный вьюн, храбр, галантен и юн,
При оружии, как для парада,
Боевым петухом ехал рыцарь верхом
Отыскать дивный край – Эльдорадо.

По пути он слагал то стихи, то слоган,
Песни пел про любовь и про клады.
Был весёлым поход... Думал, что через год
Он отыщет своё Эльдорадо.

Его вид поражал, когда в город въезжал,
И все жители так были рады,
Что сдвигали столы, и гремели балы
В честь его и его Эльдорадо.

Но, объехав сто стран, он ужасно устал,
Уж ни песням, ни встречам не рад он...
Резво годы бегут, но ни там и ни тут
Нет прекрасной страны – Эльдорадо.

Раз пред ним вдруг возник седовласый старик,
Лёгкой тенью от лунной лампы.
Этой тени в ночи бедный рыцарь кричит:
«Эй! Ты знаешь, где есть Эльдорадо?!»

И, поднявши свой лик, отвечает старик:
«Здесь тебе не прогулка по саду.
Край ты ищешь, чудака, и не там, и не так —
Вот и нет твоего Эльдорадо!

Лишь пройдя через крах, через грязь, через страх,
Позабыв про балы и улады,
Черту душу продав, ты почувствуешь драйв,
И появится край Эльдорадо!

Ведь и я, как и ты, жил порывом мечты,
Грезил блеском мадридского Prado...
Лишь вчера был мой крах, но, пройдя через страх,
Я сегодня нашёл Эльдорадо.

В бескозырную масть моя жизнь пронеслась...
В чем же завтра найду я отраду?
Без души, без креста – посмотри, кем я стал...
И зачем мне теперь Эльдорадо?!

Кистью памяти лет напиши мой портрет
Ты на фоне цветущего сада,
Чтобы каждый юнец осознал, наконец,
Что получит взамен Эльдорадо...»



Мэрилин, «Мерло» и др

*На выставке можно увидеть ее наряд
из фильма «Зуд седьмого года»...*
Из газет.

На выставке
платье прекрасной Мэрилин
Искрилось шампанским в бокале,
А воздуха струи,
несясь от земли,
Подолы его поднимали.

О, Норма Джин Бейкер!
Твой взгляд как туман,
А пышная стрижка блондинки
Любого мужчину
лишает ума
И норов заводит в нем пылкий.

Но я,
чтобы чувство меня забрало,
Чтоб вспомнились прелести рая,
Не медля,
достану бутылку «Мерло»,
Под кромку стакан наливаю...

И манит меня
первородной красой,
Лишь кончится влага в стакане,
Маруся —
девчонка с короткой косой,
В простом, изо льна, сарафане.

Мещанская застольная

*Пей мало вина – лишь желудка ради
и частых недугов...*

*Из письма апостола Павла
к Тимофею.*

Напитки богов – не речной водоём,
Напиться – удел слабоумных...
От частых недугов лишь зелия пьём,
И редко – на праздниках шумных.

ПРИПЕВ:

Мы водочку пьём, чтоб инфаркт не догнал,
Вино – чтоб лицо не желтело,
– А пиво? А пиво?
– А пиво – для пышности тела!

И чтобы здоровье своё заточить,
Должны мы без спешки и зуда
Не только решить, что сегодня лечить,
Но как, из какого сосуда.

ПРИПЕВ:

Из рюмок прозрачных мы водочку пьём,
Вино – из бокалов из темных,
– А пиво? А пиво?
– А пиво – из кружек огромных!

Сумеем любую болезнь излечить
И хвори душевные выбить!
Здесь главное – помнить, по сколько налить,
Здесь главное – знать, сколько выпить.

ПРИПЕВ:

Мы водочки только полрюмки нальём,
Вина – на две третьих бокала,
– А пива? А пива?
– А пива – чтоб пена свисала!

И пышет здоровье букетом из роз,
Коль в меру заправишься зельем!
Вот только на праздник размер этих доз
Растёт вместе с шумным весельем.

ПРИПЕВ:

Мы водочки всем по полкружки нальём,

В стаканах вино не состарим...
– А пиво? А пиво?
– А пиво на завтра оставим!
Мы водочку пьём, чтоб инфаркт не догнал,
Вино – чтоб лицо не желтело...
– А пиво? А пиво?
– А пиво – для пышности тела!



Современное

Не пой, красавица, при мне...
А.С. Пушкин.

Не эти ямочки ланит,
Не ног длину, не кожи глянец —
Упрямство северных красавиц
Я стану славить и бранить.

Я ей твержу: «Не пей при мне
Ты вин из Грузии печальной:
События войны недавней
Напоминают мне оне.

Прошу я: «Не кусай при мне
Конфеты с салом Украины:
Пожары, плач, домов руины
Напоминают мне оне.

Но спой мне песнь про Сулико
Или про то, что «ничь близэнько»,
И я забуду Порошенко,
Саакашвили и Ляшко».

Но ведь не слушает опять:
Все пьёт вино и ест конфету...
А то закурит сигарету...
Закрыв глаза, я стану ждать.

Закрыв глаза, я стану ждать,
Отбросив хлам тревог ненужных,
Тех дней, когда б красавиц ЮЖНЫХ
Я снова мог бы целовать...



Пляж

Даже воздух из сини
Здесь совсем не у дел...
Нет на свете красивей
Человеческих тел!

Как картёжные карты,
Позабыв про дела,
Дивной плотью Рембрандта
Распростёрлись тела.

И волнуется мачо,
Полный гнусных идей,
Видя нежный и смачный
Полный лифчик груди...



Пульмонолог

...Томно длинными пальцами взяв сигарету,
Говорит, карим глазом меня серебря:
– У тебя, дорогой, даже «Лексуса» нету,
А ты хочешь, чтоб я полюбила тебя.

Ну и срезала! Зря не послушал я Лёвку.
Говорил ведь, что в ней не людской аппетит...
Состоялась печаль, как затмение в лёгких —
И дышать тяжело, и немного тошнит.

Я домой ковыляю под лунной лампадой,
Рвут короткие спазмы дыхания нить...
– Эх, вот так бы, вот так бы ответить ей надо!
А потом засмеяться... Иль чуть нахамить...

На Рублёвку спеши, в олигархов заказник!
Мишура это все! Демонический бред!
А со мною любовь – поэтический праздник!
Но никто не сказал ей, что рядом – поэт...

Вью ответы, острее, чем листья у клёнов...
Где тот врач, что вернёт мне мой божеский вид?!

.....
На заросшем столе три грибочка солёных,
А в стеклянном пальто пульмонолог стоит...



Богородица

Материнское счастье мадонны.
Детский лик и тревожная мать...
В позолоте старинной иконы
Персонажи легко угадать.

Богородица... Нет, не икона...
Это фото, гравюрный офорт!
Это мама и я... У перрона...
Мы отца провожаем на фронт.

Говорит он: «Мальш, не волнуйся,
Пуля мимо просвищит, авось...»

.....
Слава Богу: и папа вернулся,
И войну пережить удалось.



О близости к народу

Не всяк поэт с народом связан...
Ведь чтоб любил его народ,
Поэт голодным быть обязан,
Поскольку сытость – гниль даёт!

Моя жена, услышав это,
Погладив грудь мою и статью,
Сказала: «Моему поэту
Давно пора поголодать!»

Явив добро улыбкой томной
И взглядом подтвердив права,
Мой ужин, вроде бы готовый,
Весь в холодильник убрала.

Всю ночь искал я не сюжеты,
А к холодильнику подход...

.....
Ах, как же трудно быть Поэтом,
Которого б любил народ!



Памяти Маргарет Тэтчер

Ведь недавно... Мне годы не стёрли
Этот взгляд, это платье, манто...
Но копают могилу шахтёры
Глубоко, как не может никто.

Человек... Потому – без сюрприза...
Все иссякло – и хватка, и прыть...
Если б вправду была из железа,
Лет до тыщи могла бы прожить.

И всю тысячу, как бы украдкой
Поправляя изящную брошь,
Сокрушительной женскою хваткой
Выжимала б и радость и дрожь.

Как моя... Ведь почти каждый вечер
Все корит меня, словно я тать...
Все вы, женщины, – Маргарет Тэтчер:
Так вам хочется поуправлять!

Как мужчины... Но только красивей.
Лимузинами, Англией даж...
Наши тоже хотят, но – Россией.
Только зря это все... Эпатаж...

Кто там: спикеры или соседки
Над могилой вам скажут: «Прости»...

.....
Баронесса! Цветком маргаритки
Вам желаю весной прорасти!



О подвигах

Нам часто проповедь вещает
О том, как суеты боясь,
Святые подвиг совершают,
В уединении томясь.

Одна кутья... Безделье... Скука...
Давленье звонкой тишины...
Но разве может эта мұка
Сравниться с подвигом жены?!

Меня по прыти обгоняя
Минут на сорок, сорок пять,
И в утра зим и в утра мая
Она не ленится вставать!

Почти неслышно дверью стукнув
И в туалете воду слив,
Она из всяких там продуктов
Готовит завтрак на двоих.

Мне можно б спать... Но нежный запах
И тихий чайниковый свист
Стирают дрёму тайных знаков,
Включая в мозг бодрящий твист.

И никогда ведь не ругает,
Что, мол, бездельник, сибарит...
И бутербродов настрругает,
И чай покрепче заварит.

А если в доме нету чая,
То, апельсин бросая в шель,
Она природу превращает
В прекрасный утренний коктейль.

И так, представьте, каждым утром!
Понятно даже холостым:
Вот подвиг где активно мудрый!
Куда там подвигам святым...

Из-за стола, салфетку бросив,
Встаю, счастливый, как корнет...
– Ну как? – жена тихонько спросит.
– Прекрасно! – ей скажу в ответ.

Я так признателен заботе!
Полдня на сердце – резеда!
Но в час обеда на работе
Я вдруг терзаюсь иногда!

Наглец! Взвалил на эти плечи
Бессонье в раннюю зарю...
Зато я милой каждый вечер
Себя родимого дарю!

Немым восторгом заряжая
И тренируя частый дых,
Я тоже подвиг совершаю
Покруче подвигов святых!

Пускай минут на десять только...
Но каждой ночью! Восемь лет!
– Ну как? – спрошу жену тихонько.
– Прекрасно! – скажет та в ответ.

.....

Философ! В цепь законов умных
Приткни немедля мой статút:
– Подчас средь подвигов церковных
Мирские подвиги живут!



Приникну я к земле родной

Упаду в луговые цветы,
Больно стукнувшись носом о землю...
Нос болит, но я с трепетом внемлю
Дух и звуки земной красоты.

Вот орёт мной придавленный шмель,
Покрывая поэта пылью,
Рвёт гитарой из раннего Цоя
Жук какой-то, откушавший хмель.

Вижу, корнем гнездится осот,
Как китаец в сибирских просторах;
Дивной шубкой глазёнки заштора,
Рядом дырочку делает крот...

О, цветы! О, букашки! О, крот!
Вас душою и сердцем приемлю!

.....
Чаще нюхайте, граждане, землю,
Она много чего нам даёт!

Жара... Но долг отдай!

Вот жарища! Давно я такой не видал!
Ну как будто на Кипре иль Кубе!
Мой расплавленный мозг так когда-то летал
На танцульках в натопленном клубе.

Словно трупы, в тени три собаки лежат,
Шерстью тянут земную прохладу...
Сумасшедшая пчёлка вонзила кинжал
В мое сердце, как в кисть винограду.

В раскалённую высь три фонтана, смердясь,
Дарят влагу, как те три колодца,
И милиция смотрит, уже не сердясь,
На мальчишек, плескающих солнце.

Я зато на работе сию, словно гусь,
Под ветрами прохладных кондейшен...
Но пока я до дома пешком доплетусь,
Снова стану проклятьями грешен.

Доберусь до кровати... Та примет меня,
Соревнуйсь объятьями с моргом...
Лишь жена, вся в поту, потревожит, маня:
«Спишь? А как же с супружеским долгом?»



А в субботу мы на дачу

– Маша, Маша! Одевайся!
Да не нужен капюшон!
Сколько можно?! Не ломайся...
Знаешь, как там хорошо!

Ну, комарики... Ну, мухи...
Ну, а в городе? Народ...
Слушай: зайка длинноухий
К нам поужинать придёт.

Утром только ты с подушки —
Папа с удочкой... Как кот...
Вместо рыбки две лягушки
Из болота принесёт...

Боря! Ну, тебя обидишь...
Маша! Что ж ты под кровать?!
Да на даче все увидишь...
Поезд ведь не будет ждать!

И сорока... И сорока...
И колючего ежа...
Боря! Ты с какого бока
Эту сумку снова взял?!

Эта сумка для картошки!
Ты б для Машки шляпку взял!
Так, присядем на дорожку,
И скорее – на вокзал.

Борь! Опять ключи забудешь...
Это все – когда домой!
Нет, колготочки не будешь —
Ножки мы натрём «Тайгой».

Нет, в тайгу не ходят детки,
Папа просто пошутил...
Папа раз туда с соседкой
По грибы гулять ходил.

Их искали чуть не сутки...
А грибки они нашли...

.....
Все? Готовы? Боря, сумки!
Ну, поехали! Пошли...



О диагностике европейского мяса

*Конина под видом говядины
нашлась в целом ряде полуфабрикатов
на европейском рынке.*

Из новостей.

Уж третью неделю и частно, и скопом
С немецкой прилежностью день ото дня
Все ищут учёные под микроскопом:
Где мясо коровы, где мясо коня.

И как отличить, и где корни истоков?
Румыния? Польша? Но как уличить?
Есть столько приёмов без всяких там скопов,
Как мясо коней от коров отличить.

Вот я... В ужин – блюдо, где мясо – основа,
А ночью жене говорю: «Ну-ка, тронь»...
ОН, если говядина, вял как корова,
А если конина, стоит словно конь!

Когда стреляю смелым взглядом...

Когда стреляю смелым взглядом
В объекты из семейства дев,
Особенно, когда те – рядом,
Я так волнуюсь, весь вспотев.

У той – глаза подобны раю,
У этой – гладь тугих грудей...
О, нет! Кто знал бы, как страдаю,
Забыв политику, друзей!

У той – прекрасные ладони...
Но, как сказал философ Юм,
Лишь сочетание благовоний
Рождает редкостный парфюм!

Конечно, мы и части рады...
Но я скажу вам без затей:
Судить о деде, право ж, надо
По совокупности частей.

.....

Ну все! Нашёл! Нога без шерсти,
И шея есть, и та же грудь.
Все, все прекрасно, все на месте!
Но мысль одна наводит грусть.

А вдруг в какой-то части
сколот
Или совсем не виден ГОСТ?
А вдруг под грудью —
жуткий холод,
А там, под юбкой —
ведьмин хвост?!

Вы знаете, я чуть не запил...
Слова скрипели, как настил:
– Смотри, как девушку облапил!
Бесстыдник! Лапы распустил!

Прошу, не осуждайте, люди!
Ведь цель моя совсем проста:
Я щупаю: не хладны ль груди
И нет ли ведьмина хвоста!



Весна идёт

Автобус брызнул лужной пылью,
Желтком сияет снегогрей.
Сидит грачиха, хвост топыря,
В гнезде на прутьях тополей.

Без перьев шеи зимних куриц,
Капелью пляшет метроном,
И Федя – шут дворов и улиц
Скребок шуршит и нянчит лом.

Черноты нежатся блаженно
У тёплых липовых стволов,
И тяга к парному сближенью
У особой иных полов.

На зов синца летит синица,
Река бежит, ломая лёд.
И ты спешишь со мною слиться...
И я спешу. Весна идёт!

Зачем так некстати...

До встречи желанной, таинственной, грешной
Считал я секундами дни...
И вот, наконец, у ракиты прибрежной
Остались мы снова одни.

Ломались, скользили и ватными стали
Нездешние призраки тел...
И пели русалки, и рыбы шептались.
И лунный фарватер блестел...

Твой запах, и нежность, и все, что томило,
Я стал поцелуями пить...
Но ты вдруг сказала: «О, господи... Милый...
Я ж рыбу забыла купить...»

.....

И прежние вещи явились из ваты,
И нечисть накрыло волной...
Все стало реальным. И только фарватер
Зловеще сверкал под луной.



Глоточек ушедшего лета

О, прошлые юные лета!
За вами бежать нелегко...
С бидончиком нежного цвета
Плетусь покупать молоко.

Всегдашнее место. С рассвета
Здесь стелют листву тополя,
Здесь стайка отставших от лета,
Таких же настырных, как я.

С бидончиком нежного цвета,
В цепочку, как бисерный путь,
Стоят, чтоб купить себе лета,
И выпить, и леты вернуть.

Они – не актёры на сцене,
Но как живописна их нить...
Ах, мне бы скорее к цистерне
И лета в бидончик налить!

Безрогая дура-цистерна
Хранит сладострастную снедь:
В железной корове люцерна,
И солнце, и облако есть.

В ней руки доярки Полины
И волос от ейной косы,
Там девять процентов полыни
И восемь – вечерней росы,

Рассвет на пригорке у речки
В обнимку с девчонкой ничьей,
Вкус губ её, жарких как печка,
И грустность коровьих очей.

В ней стайки мальков возле тины,
В ней склон голубеет во льну...
Я крышку с бидончика скину,
Губами я к снеди прильну,

Прильну и, три литра рассвета
В себя опрокинув, спрошу:
«И где вы, ушедшие лета?!»
В ответ ни гу-гу, ни шу-шу...

Но чу! Ощущаю позывы,
Желания страстные те!
И кровь побежала по жилам,
И что-то урчит в животе!

Вернулись ушедшие лета!
Мне, кажется, все по плечу!

.....
Как жаль, что здесь нет туалета...
Я мчусь! Я бегу! Я лечу!



Не гуляй, Душа, далёко...

Опустилось солнце к веткам,
Удлиняя нашу тень,
И болтливою соседкой
День иссяк... Уходит день.

Вот уж ночь – хозяйка дома
Гонит вечер за порог...
Чёрной крышею истома
Изгибается, как йог,

В тихой заводи все чаще
Чмокать начал умный сом,
И на город, горы, чащи
Плащ накинул тихий сон.

Суетной наевшись каши,
Человеки идут спать...
В это время души наши
В мир выходят погулять.

Как в прохладу струйкой едкой
Жизнью теплится навоз,
Так Душа из тесной клетки
Выплывает через нос.

Плоть свою платочком скомкав,
Перед тем, как в мир уйти,
Спросит Ангела, во сколько
Ей обратно в дом войти,

А потом знаменьем вечным
Тихо к телу прикосну...
И храпящий человечек
Мозг отправит свой ко сну.

Белым облачком из ваты
Мчит Душа назад, вперед,
И картинки, как транслятор,
Телу в мозг передаёт.

То покажет предсказанье,
То какой-то прошлый день,
То любви истязанье,
То из ниток дребедень...

А к утру, оставив стремя,
В тело входит вся в росе...
Но в положенное время
Возвращаются не все.

Та вон... Шашни что ль крутила?!
Нагулялась на сто лет...
Возвратилась кутила,
Глядь, а тела то и нет!

.....

И, уткнув в подушку холку,
Руки сдвинувши к груди,
Я шепчу Душе тихонько:
«Далеко не уходи...»

Ответишь за козла

Я лез, на чьи-то
ноги наступая,
В автобус тесный,
как могильный склеп.
Вдруг голос взвился,
словно черт из рая:
«Ты че, козел,
совсем уже ослеп?!»

Другой бы вздрогнул,
взвился как от плети,
Налился злобою
на злой на этот глас,
Нашёл бы он,
что голосу ответить
И, обернувшись,
врезал промеж глаз.

Но я смолчал,
очки подвинув на нос,
Не обратив
внимание на «козла»...
Все потому,
что мой гипоталамус
Добра рождает
более, чем зла!



О плодотворных контактах

Эол играл, и гнулись кроны
В тот серый вечер октября...
Я шла искать Ален Делона,
А натолкнулась на тебя.

Все напрягла: глаза и тело,
ЕГО в толпе сырой ища...
И зацепила сумкой слева
ТЕБЯ за краешек плаща.

Того плаща подбор кровавый
Пронзил мне сердце острой!
А мозг мой вздрогнул: Боже правый,
Как хорошо-то мне с тобой!

Как годы, то мгновенье длилось:
Влюблённость, грусть, любовь и боль...
Но время не остановилось,
Не дрогнул вектор биополь.

И плащ средь тел пропал печально...
А время – снова антраша...
Но был контакт! И не случайно
Ношу под сердцем малыша!

Как шлёпнул о щёку мне лещ...

У рыбной у речки, под вязовой крышей,
Не став после ужина пить люминал,
От тёплой воды чуть поднявшись повыше,
Я ночи картинам пристрастно внимал.

Горбатился лес терриконовой глыбой...
Звездами дырявился неба карман...
Вдруг слышу: спросонок ударила рыба...
По вязовым листьям закапал туман...

Вот месяц грудной в жёлто-белых пелёнках
Уткнувшись, сосёт полносочную грудь...
Вот селезень крякнул... В ответ – селезёнка...
Туманом на сердце закапала грусть...

Как все это близко... Как сердцу знакомо...
Я вспомнил, как шлёпнул о щеку мне лещ,
Как капали слезы солёным раствором,
Летела вдогонку какая-то вещь...

Как чей-то младенец (от силы – полгода)
Орал, словно требовал грудный декрет...

.....
О, Боже! Как часто нам дарит природа
Картины забытых, но счастливых лет!



Ночь

*Вольный перевод
одноименного стихотворения
Германа Гессе*

Гашу свечу, и ночи волокно
Порывистым движением наката
Врывается в открытое окно
Объятьями товарища и брата.

О, друг, о, брат! Душа истомлена,
И темноты влекущая истома
Уносит нас в былые времена,
В родимый край отеческого дома.

Где нас учили бедному помочь,
Где гладь пруда, где тишь и зелень парка,
Где вся в свечах такая же вот ночь
Счастливила рождественским подарком.

Die Nacht. Hermann Hesse

Ich habe meine Kerze ausgeloescht;
Zum offenen Fenster stroemt die Nacht herein,
Umarmt mich sanft und laesst
Mich ihren Freund und ihren Bruder sein.

Wir beide sind am selben Heimweh krank;
Wir senden ahnungsvolle Traeume aus
Und reden fluesternd von der alten Zeit
In unsres Vaters Haus.



Предостережение

Вечер... Ночь уже не за горами...
Фрэнк Синатра, клетка с какаду...
Вы и Он... На столике меж вами
Два бокала и «шампань» во льду...

Низкий тембр, словно два Синатры...
На открытом месте – две руки...
Бормотанье ритуальной мантры,
А в шампанском мчатся пузырьки...

Пузырьки, так ласково сверкая,
Прямо в рай указывают путь...
Но, взрываясь на границе рая,
Раскрывают истинную жуть!

Дело в том, что строй цепочек внешних,
Хоть волнует и ласкает глаз,
Крайне страшен: в пузырях поспешных —
Ядовитый углекислый газ!

Чуть глотнёте – все! Вы – на татами!
А в головке – мякоть, шум и гам...

.....
Дамы! Вин не пейте с пузырьками:
Задурить вас хочет интриган!

О вампирах

По мотивам произведения

Алексея Орлеанского «Загадочная кончина».

<http://www.stihi.ru/2009/02/01/548>

Шёл бал... Гостей встречала зала...
Шли танцы, не скучал никто.
Но слух прошёл, что среди бала
Вампирша есть... Инкогнитó.

Князь Крупин (да и Репин тоже),
Дивясь на печки изразцы,
Заметил, как в трюмо прихожей
Вампирша скалила резцы.

И как сокрылась в малой зале...
Вот это – да! Едрёна вошь!
Как только это все узнали...
О, Боже, что тут началось!

Две гостьи в обморок упали,
Вспотели графы и князья...
Но, к счастью, в этом самом бале
Поэт был – мистик... Ну и я.

Сверкнул Поэта зуб, как кортик,
И глаз блеснул нехорошо...
Гостям сказал он: «Успокойтесь!»
И в залу малую пошёл.

Чтоб не лишить гостей их веры
Легко, как старый камергер,
Через минуту часть портьеры,
Я сдвинул в некий интерьер:

Сверкая красными глазами
И блеском шитых эполет,
Чуть улыбаясь, в малой зале
Пил кровь из дамы наш Поэт!

Душа моя поёт лишь в душе...

Среди стен полупрозрачных,
Среди пара, струй и луж,
После праздной жизни дачной
Принимаю нынче душ.

Ярко-голый, словно осень,
Я свечусь, как ГОЭЛРО,
И струями небо косит
Бронзу тела моего.

Жизни тонус так и скачет —
Мой его, или не мой...
Жаль, жена ещё на даче,
А соседка — за стеной...

Как под облаком опухшим,
Я вращаюсь не спеша,
И мурлыкает под душем,
И поёт, поёт Душа!

Струи, словно пианисты,
Бьют по выпуклым частям,
И мотив, как мор неистов,
Заструился по костям.

Я ваяю берег дальний,
Море, раннюю зарю...
Здесь — поддам чуть-чуть ударных,
Здесь вот — струнными залью.

Звук играет лёгким тушем,
И, обыденность круша,
То не Я ору под душем —
Вслух поёт моя Душа!

В три октавы! Ниже, выше...
Эхо бродит за спиной...
Вдруг снаружи стук я слышу
По кабинке душевой.

Сдвинул створку... Возле ванны
Мне грозит какой-то фиг...
Слушай, это ж — Федька Ванин
Без ключа в мой дом проник.

Рухнул звук! Такая жалость...
Крах душевный! Вот debil...

.....
Как чуть позже оказалось —
Я кого-то затопил...

Мораль:

Чтобы в кайф струя звучала,
Чтоб гремел под душем рок,
Ты трубу проверь сначала
И защёлкнись на замок!



Прошло два года после нашей свадьбы

Стихает праздник отголоском лета,
Умолк пичуг многоголосый шум...
Лишь дятла стук монтажным пистолетом
Долбит мне мозг: мол, мало приношу,

Мол, все подарки – только из-под палки,
Мол, редко на столе «Вдова Клико»,
Мол, не построил замок так, как Галкин,
Мол, самолёта нет, как у Кирко...

Туманится зевок любовной лени,
И на исходе солнечного дня
Ты не садишься больше на колени
И поцелуем не бодришь меня.

Вчера был сон. Как говорит мне сонник —
На горизонте светится любовник...

Из цикла «Поэт в деревне»

Пастораль



Вдоль по деревне босиком
Иду я, как Христос по водам,
И на ступнях моих разводом
Чернеют трещины севком.

Хоть голь в деревне и тоска,
Здесь босиком давно не ходят.
«Сдурел мужик!» – смеются люди
И крутят пальцем у виска.

А я – сдурел... От всех вдали,
Вдали от дрызг, надрыва, пробок,
Я – без прикрас: то тих и робок,
То эпатажен, как Дали!

Здесь сущность Путина речей
По вечерам яснит соседка,
Здесь вести шепчет вербы ветка,
А песни – родника ручей.

Здесь у колодца возле луж
Летают пчёл жужжащих стайки,

А рядом с домом вдоль лужайки
Косою машет чей-то муж...

Ступни мои щекочет пыль,
Мне солнце лысину щекочет,
А в спину чей-то гусь гогочет —
Велит поверить в эту быль.

А я не верю... Вот в тиши
Глас бабы Нюры, точно с неба:
«Ау, Поэт! Сходи за хлебом —
Гудела давеча маши...»

И я с холщовой сумой,
Ступней родную землю чуя,
Окрестным видом мозг харчуя,
Парю над грешною землёй.

Давно уехала маши...
Но у ларька народ хлопочет.
Народ всегда чего-то хочет —
То зрелищ хочет, то сушй...

Хлеб плотный, вроде кирпича,
Почти раскуплен спозаранок,
И груз из четырёх буханок
Меня совсем не удруча...

«Успел? И — ладно, мой родной...
Надысь гляди, какой ты ходкай...»
А я летящею походкой
Несусь к колодцу за водой.

С утра, а мокрый, как в росу...
Я ноги в лужице помою
И ведра с ледяной водою
Скорее к дому поднесу.

Азот из колб на тело слив,
Я буду первым среди равных...
Попью чайку с заваром травным
И вкусом прошлогодних слив.

Картошку, словно два грача,
Прополем с бабой Нюрой дружно...
И что ещё поэту нужно?!

.....
Ну, разве банку первача...



На поля, поэты! На поля!

Море чёрное, баркас, зелёный берег...
Восхитись, воскликни и замри!
Я сегодня – не поэт Варелик,
Я – писатель пахотной земли!

Плуг и трактор неделимой спайкой
Ковыряют брошенный надел,
И ныряют вглубь грачи и чайки
За десертом червяковых тел.

Я – творец причудных аллегорий,
Не хочу стоять на берегу:
Я ж – водитель разных категорий,
И баркас, и трактор – все могу!

Сколько пашен брошенных... Так горько!
Но надежды тлеет благодать:
Тракторист – сосед мой здешний, Колька,
Дал кусочек поля пропахать.

Звон в ушах, горелый запах, стуки...
В теле – паркинсоновская дрожь...
Только разве стоят эти муки
Счастья знать, что здесь родится рожь?!

Чуть привык – уже не звон, а пенье!
Только сердца пулемёт не стих...
Правда, правда... Я в таком волнении,
Будто песню делаю иль стих!

Успокоив дрожь в тревожном теле
И души почувствовав накал,
Понял я, как мало словом сделал
И как много трактором вспахал.

Может, трактор – моей жизни веха?
Может быть, мои творенья – ложь?
Колька машет: «Ты куда поехал?!
Развернись! Берёзу разнесёшь!»

Повернув, я снова вышел в поле,
Встал у кромки, заглушивши гвал...
Соток десять, или даже боле,
Я шутя сегодня пропахал!

О, минуты, полные волненья!
– Слушай, Коля, я тебя прошу:
То, что я вспахал – стихотворенье,
Можно я поэму напашу?!

.....

Эй, поэты! Приспустите тульи!
Хватит в небе звёздочки считать!
Хватит всеу заниматься дурью
И любовь с придыхом воспевать!

Ну не надо лик свой нежить бледный:
Заждалась пахателей земля!
Ложь – слова! Сожгите ваши бредни!
На поля, поэты! На поля!



Будет, будет урожай!

Я хожу по огороду —
День и ночь таскаю воду.
Я хожу, хожу, хожу
То к болотцу, то в межу.
Поливаю я кусты,
И травинки, и листы.
И капусте, и горошку
Дам водички понемножку.

Солнце жарит как на Рице,
Как в египетской столице,
Как в Сахаре, как в Баку,
Как в предгорьях Гиндуку...
Ну ни облачка на небе,
Нет влаги по потребе...
Как же бедным травкам жить,
Женихаться и дружить?!

Ведро полные несу
Прям за дужки, на весу.
Я таскаю, я таскаю,
Я обеда пропускаю,
Я на ужин не гляжу —
Все хожу, хожу, хожу...

Стал я тощ, как хворостинка,
Я качаюсь, как осинка,
Моя кожа цвета злости,
Мышцы, волосы и кости —
Тела рыхлого оплот
Льют пот, льют пот...

Мне уйти бы с огорода...
Только шепчет мне природа
При безводии полей:
«Лей! Лей! Лей! Лей!»
Да, в такую-то погоду
Под мою-то влагу-воду
Благодарная земля,
Не погубит если тля
И тепло так будет дальше —
К осени, а может раньше,
Как банкирская маржа,
Принесёт мне урожа —
й!

И как праздничный компот
Засверкает огород!
Будет свёкла краснобока,
Будет свежая осока,
Будут тыквы, кабачки,
Колорадские жучки,
Будет розовый картофель,
Лук, крутой как Мефистофель,
Куст крапивный, словно лох,
Будут редька и горох...

И ещё уверен! Факт!
Будет к осени инфаркт!

Вчера старуха умерла...

Я тих, но нет покоя плоти:
Вдали звенит бензопила,
А рядом, в домике напротив,
Вчера старуха умерла.

Родня, соседи, что поближе,
Мелькают у её крыльца...
Меня там нет, но ясно вижу
Обряды тихого конца.

На табуретках гроб у печки,
Побеленной ещё с зимы,
Священник у горящей свечки
Поёт над бабушкой псалмы...

Скороговоркой льёт поверья,
Как будто прогоняя тест,
И тихо шепчутся за дверью
Лопата и могильный крест.

Уж нет забот, что крыша в дырях,
Что без ходьбы не будет ссуд...
Шесть мужиков (а то – четыре)
Ее до ямы донесут.

Рождество

Пирог с капустой вынянчен,
Две рюмки грамм по сто...
Мы с бабой Ньюрой нынеча
Справляем Рождество.

Метель поёт за окнами,
Уж за полночь давно,
А мы краснеем свеклами
За чаем и вином.

Ворчат старухи местные:
– Ни звона, ни крестов...
До церкви, что в Опресново,
Не меньше двух часов.

Исколотые тёрнами
Метельного куста,
Вчера на повечерии
Мы славили Христа.

Снеговиками ставшие,
И слез глотая слизь,
Иззябшие, уставшие
Насилу доплелись.

А нынче, сердцем чистые,
Накрывши стол, вдвоём,
Приняв и став речистыми,
Болтаем о своём.

Про сплетни и про вымыслы,
Про тяжкий сельский труд,
Про то, как детки выросли
И как теперь живут.

Как шофёр Васька Плотников
Порвал свой бюллетень,
Как бесы водят путников
В подобную метель...

В пристройке, толью крытою,
За стенкой у печи,
Вздохнёт корова сытая,
Да кочет прокричит,

Да вьюга за окошками
То свистнет гаммой швов,
То бросит в стекла крошками
Неразбериху слов...

И вдруг над партитурой
Щемящий душу звук,
Как будто деву юную
Заплёл в сетях паук!

Как будто соло ведьмино,
Как будто ИЛа взлёт!
Пришельцы ли? Соседи ли?
Да кто же так орёт?

Как кошка, дверью сжатая...
Иль как на рану – йод...
Хоть вроде и поддатый я,
А все же жуть берет.

В окне огни забегали
Откуда-то извне...
А баба Нюра белая
Тихонько шепчет мне:

– У Мишки ли у Жарова
Топерь жена родит?
Аль бес какой пожаловал?
Поди-ка погляди!

«Поди»... Теперь не лето ведь:
Метель, темница, глушь...
Застынет и омлет, и снедь...
Да боязно к тому ж...

Пойду... Напялю ватник я,
Скажу себе: «Не трусь!»,
Ремнём широким стареньким
Потуже затянусь.

Морозиться негоже мне,
Как юному хлыщу:
У шапки с верхом кожаным
Я уши опушу,

В сенях надену валенки,
Перекрещусь, как Мень,
Возьму топорик маленький
И суну за ремень.

Встав на пороге вечности,
Молитвы в нос сопя,
Пойду спасать от нечисти
И Землю и себя,

И бабу Ньюру милую,
И наше существо...
О Господи, помилуй мя
В твоё-то Рождество!



О весне и птичьих языках

Сократив ребро квадрата,
Я как памятник стою
И, опёршись на лопату,
Птичьи звуки ухом пью.

Уж полдня без перекура...
Отдыхаю – не взыщи.
А на сенцах баба Нюра
Керогазом варит щи.

Куца музыкой объята:
Птички празднуют весну!
Словно малые ребята
Веселятся и бесну...

Над ветвями яблонь вьются,
А над домом – так кишат!
Чьей породы, как зовутся
И о чем весенний гвалт?

Воробьи... Вон сколько село...
Этих – в городе не счесть.
Да и здесь все больше – серых,
Но цветные тоже есть.

Не сказал бы, что уж франты:
Ярких красок в перьях нет...
Но галдят, как оркестранты,
Проверяя инструмент.

Как поэты на Стихире,
Восхищаясь лишь собой,
Верещат в весенней шири
Кто взахлёб, а кто – волной,

Кто – каким-то темпом рваным,
Кто вдруг – россыпью, подряд...
Тимпанальные мембраны
Натянулись и звенят.

Разобрать их без натуги
Я, конечно, не берусь,
Но, скорей всего, пичуги
По привычке славят Русь.

Как кому, но мне вот лично
(Многим это не понять),
Так хотелось бы – по-птичьи...
Или чей язык узнать.

Воробьиный, соловьиный...
Ну, вороний, наконец!
Вот скажи, о чем со сливы
Надрывается певец?

Мал-малёк! Не видно крошку,
А свисточек – ого-го!
То ли он зовёт подружку,
То ли друга своего?

Музыкалит – чище Верди!
Прям будильника завод!
Может, в листьях тварь заметил
И обедать всех зовёт?

А вон тот – головкой вертит:
Подзывает писком мать?
Говорят, что после смерти
Птиц я стану понимать...

Чу! А это – прям от сердца!
Вот где музыки полет:
Баба Ньюра мне из сенцев
Тоже звуки подаёт.

– Эй, поэт, – поёт бабуса, —
Щей? Аль блинчик налегке?
– Щей!!! С блинками...

.....

Славлю Русь я!
Вслух!
На птичьим языке!

Яя-яя-Я, яя-Я, яя-Я-я! О-о-о-о-О!



Восьмую неделю, как дождичка нет...

Ну и лето пришло – хуже омота:
Солнце жжёт от зари до зари...
И, проказой природною тронута,
Запаршивела кожа земли.

Вся потрескалась, шерится ранками,
И, забыв поясничный свой зуд,
Из пруда вечер весь, спозаранку ли
Бабы грязную воду несут.

Уж по пруду колеса тележные
Ободами наружу торчат...
Лишь сочится водичка по-прежнему
В срубе дальнем у Нюрки Собчак.

Посвернулись листочки рулончиком,
Поселив в паутинах блоху,
И висит недожаренным пончиком
Плод незрелый на самом верху.

Нам Беляев, погоду поведавший,
Не елеет запекшихся ран...
Крестный ход на неделе на следующей
Обещает отец Феофан.

Вокруг церкви и прямо на улице,
Разгоняя молитвой беду,
Умолять будем Мать-Заступницу
Заступиться за нашу еду.

Чтоб дома, бездорожьем забитые,
Осчастливили тучи и гром,
Чтобы нищего, миром забытого,
Отпоила своим молоком.

Эх, дороги... Осенние, вешние...
Ни «УАЗ» не пройдёт, ни «КамАЗ».
Километров пятнадцать, не меньше ведь,
До ближайшей церквушки от нас.

Поздний вечер. Пора бы и баиньки...
Но и вечер жарою палит,
И таскают ведёрочки бабоньки,
Хоть спина до упаду болит.

Слушать бабьи стенанья улётные
По ночам мужикам не с руки,
И у дома Егора Заглотного
Собрались поутру мужики.

Худоватые все, не наваристы —
Видно, больше картошка да квас...
А Заглотный у них – вроде старосты,
Ну, как Путин у нас иль Чубайс.

– Ждать неделю ещё... А не поздно ли?
Все сгорит, че им воду носить!
– Тут, ребятушки, дело серьёзное:
НАМ у Матери надо попросить!

Ой, Егор... Вот дошёл до крылечка он,
Где горбыльный валяется щит,
Покопался под ним, как под печкою,
И бутыль самогонки тащит.

Мужики на частички порезали
Пожелтый такой огурец,
По стакану той жидкости врезали,
А Егор, как какой-нибудь жрец,

Пыхнул свечкой, не сняв с нее наросты,
Подпалив свои патлы огнём:
– Слушай, Мать, пожалей нас, пожалуйста, —
Первый раз за неделю ведь пьём!

Погрозил небу маленьким ножичком
Дядя Родя – глухой старикан:
– Окропляй нашу засуху дождичком! —
И ещё опрокинул стакан.

Гулко в небе заухали филины,
И свершилось чудо веков:
Слезы горькие вёдрами хлынули
На утопших в хмелю мужиков.

А на землю, на пашни, на улицу —
Молоко из обеих грудей...

.....
О, родимая Мать-Заступница,
Ты прости нас, неумных людей!



Самогон

Напиток русских деревень...
Чуть мутный, если много свёклы.
Он лечит, если вы промокли
Иль на душе какая хрень.

Напиток тот я славлю жестом.
Пусть он не сладок, как лукум,
Пусть растворится в нем мой ум,
Зато душа найдёт блаженство!

Тунеядец

*Поэт! Не дорожи любовью народной...
... останься тверд, покоен и угрюм.*

А.С. Пушкин, «Поэту».

Опять в деревне... Я угрюм и твёрден,
Природный дух потворствует уму...
Мне за труды давно пора бы орден,
Но не дают... Ить знают, – не возьму.

Один вопрос: как с совестью поладить?
Пишу, пишу, но вот ведь в чем беда:
– Какой поэт?! Он – полный тунеядец! —
Я за забором слышу иногда.

А точно ведь: я не копаюсь в грядках,
Корову в стадо выгнать не спешу,
Я, как байбак, дурашливой зарядкой
Чуть свет соседских бабушек смешу.

Весь день, как бич, избив ступни до крови,
Брожу в лугах, миражный воздух пью,
А вечером, испив дары коровьи,
В своих тетрадках ханжески пою

Про то, как лист в истоме ждёт рассвета,
Как чуден мир и как развратна ложь...
Да... Чуден мир... О, сколько ж нас – поэтов!
И все едим... А кто бы сеял рожь?!

Какой бы раб? Какой бы там поганец?
Чтобы без сна, по сто часов подряд...
Но, право ж, я – не полный тунеядец,
Как обо мне в народе говорят!

Ведь ночью я при лунном свете ярком
Ласкаю Вальку так, что будь здоров!
И вся любовь, что я дарю доярке,
От Вальки переходит на коров,

Которые, грустя в коровьей доле,
Сливают Вальке свой молочный клад.
И знаю я: в рекордных тех надоях,
Конечно, есть и мой посильный вклад.

Я не зайдусь стыдливости румянцем:
Своей продукцией я не позорил честь!
И пусть меня считают тунеядцем,
Но польза от поэта все же есть!

Ого, одиннадцать! Уже давно пора бы...
Опаздывает нынче Валькин грум!
Я слышу смех соседей за оградой,
Но счастлив, твёрд, покоен и угрюм.



Жили-были старик со старухой...

Лишь май, а жарко, как в аду...
И дел гора:
Картофель в тёплую грядку
Сажать пора.

– Все, мать, кончай... Последний ряд.
Ить только крот
Копать так грядки наши рад
Округлый год!

Вон... Самогонкой каплет пот,
Едрёна вошь!
Плевать на этот огород!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.